

С белой линии, начерченной на поле, один за другим взлетали ученики. Перед летними каникулами солнце палило нещадно, и даже в вышине воздух оставался горячим. Однако ветер, бивший в лицо, был приятен. Едва преодолев заданную высоту, Акира ускорился и, закрутившись штопором, устремился к точке приземления.

На самой границе высоты, которую он для себя установил, он сбросил скорость и мягко приземлился прямо на белую линию. Ему нравилось это мгновение, когда казалось, будто тело теряет вес.

— Три и три сотых, — сказал заместитель капитана, глядя на секундомер.

— Ускорение у тебя потрясающее, остаётся только взлёт и посадка... Ну, в любом случае, ты супер-новичок.

Акира усмехнулся.

— Не зазнавайся, первогодка.

Он слегка поклонился и взял секундомер. Подняв голову, увидел летящего Такаси.

Его крылья, возможно из-за привычки, были не ласточкиными, как у Акиры, а широкими, как у орла. Скорость казалась невысокой, но чувствовалась устойчивость. «Надо попробовать в следующий раз», — подумал Акира.

В школе такой возможности не было, но, например, для полётов на дальние расстояния такая форма могла бы подойти. Сам он хотел бы летать даже в школу и обратно, но это было запрещено из-за высокой вероятности аварий при приземлении.

Может быть... если бы крылья были такого размера, можно было бы переносить даже довольно тяжёлые вещи. Например... Дерево.

Желание показать Дереву мир с высоты птичьего полёта жило в нём ещё с начальной школы. Он смутно думал, что если сам станет сильнее и больше, то это, возможно, осуществится... но Дерево, в свою очередь, росло так, что обгоняло Акиру. Возможно, в будущем это станет ещё труднее.

Если бы он увидел мир тех, кто смотрит на него свысока, маленьким внизу, и промчался бы высоко-высоко в небе, какое лицо было бы у него? Улыбнулся бы он той самой невинной улыбкой?..

— О чём задумался?

Очнувшись, Акира увидел, что приземлившийся Такаси с интересом заглядывает ему в лицо.

— Сколько секунд?

Акира извинился.

Плановые тренировки закончились, и участники начали расходиться кто куда, но Акира продолжал упражняться. Честно говоря, ему больше нравилось это время, когда он мог просто наслаждаться полётом, а не соревноваться в скорости с заданной высоты. Солнце уже клонилось к закату, но жара, казалось, задерживалась даже в вышине, и с Акиры градом катился пот. Пока крылья были материализованы, он не мог даже вытереть пот кулаком. Если во время полёта расслабиться и попытаться использовать «руку», трансформация крыльев спадала, что было опасно, но Акира привык. Даже когда пот заливал глаза, он просто моргал, чтобы справиться.

Однако пора было заканчивать...

Опустив взгляд вниз, Акира вдруг нахмурился. Несколько учеников сбились в кучу, окружив кого-то...

Содержания разговора было не слышно. Какие-то насмешливые голоса. Один из них нанёс круговой удар ногой, и щуплая фигура упала.

Раздался смех.

Увидев скорчившуюся в центре фигуру, Акира сложил крылья и ринулся вниз.

Он развернулся в воздухе, подняв облако пыли, и приземлился на асфальт. Ученики, испуганно обернувшись, переглянулись, будто их застукали за дурным делом, и отвели взгляды.

— Что вы делаете?

Голос прозвучал глухо и сдавленно.

— Э... это нам надо спрашивать. Ты первогодка? Приземляться можно только на поле, это нарушение устава школы.

— Я спросил, что вы здесь делаете.

Злость, вложенная в слова, заставила учеников, словно под напором, попятиться и расступиться.

В образовавшемся проёме Акира увидел упавшую щуплую фигуру и, сжав кулак, занёс его...

— О-па... опасно.

Кулак перехватили и оттянули назад. Вперёд вышел Такаси.

— Старшеклассники, вы, наверное, третьекурсники? Хорошо ли вам, ребята, в такое время заниматься жестоким обращением с животными? Это скажется на ваших характеристиках. У меня, знаете ли, есть один знакомый в городском отделе образования.

Он мило улыбнулся.

— Не могли бы вы назвать мне свои имена? Каждый по отдельности?

— Чего? Ты, щенок, решил выпендриваться?..

Парень, начавший было говорить, дёрнул за рукав стоявшую рядом девушку.

— Опасно, это же он... первогодка Торая.

Мило улыбаясь, Такаси наклонил голову.

Одного этого было достаточно, чтобы Такаси полностью завладел атмосферой.

Парень с досадой сплюнул и, бросив проигрышные слова, повернулся спиной. Пока они не отошли на достаточное расстояние, Такаси не отпускал кулак Акиры.

— Эй... если ты устроишь драку с травмами, что будет с национальным турниром летом?

— шёпотом упрекнул Такаси.

Не говоря ни слова, Акира вырвал руку и побежал к скорчившейся, как тряпка, фигуре.

— Дерево... Ицуки.

Окликнув, он поднял его. Только тогда, словно очнувшись, Ицуки открыл глаза.

— ...Аки?

— Ицуки. Ты в порядке?..

Говоря это, Акира чувствовал, как голос сдавливает в горле. Губы Ицуки были разбиты, а на чёрной мешковатой рубашке, словно от множества пинков, остались следы кроссовок.

— Эй... что, ты знаешь этого грязного пса?

— Заткнись, — резко бросил Акира.

— Проваливай уже.

— Чего? Я же тебя выручил.

— Это другое.

Пытаясь унять раздражение, Акира вздохнул.

— ...Спасибо. Я потом всё объясню... а сейчас оставь меня.

Некоторое время Такаси молча смотрел на Акиру, затем пожал плечами.

— А-а, понял... Завтра расскажешь, ладно?

— Угу...

— Таких хороших друзей, как я, ещё поискать, правда?

Он стряхнул пыль с сумки и, повернувшись, зашагал прочь. Через плечо помахал рукой.

— До завтра. Если что-то понадобится, скажи.

Действительно — он, должно быть, хороший парень.

Акира понёс Ицуки на спине до общежития для обслуживающего персонала. Пожилой сотрудник, начальник Ицуки, уходил домой сразу после закрытия школы, так что ночевал там только Ицуки. Акира уже знал, как там всё устроено, потому что тайком навещал его каждые выходные, но в будний день, да ещё и среди бела дня, он был здесь впервые, поэтому,

оглядываясь, чтобы его не заметили, он проскользнул внутрь.

Ицуки у него за спиной дышал тонко, прерывисто: «Хью-у, хью-у...»

Кости Ицуки, поражённые опухолью, ломались от малейшего удара. Вспомнив невообразимую боль, когда тот сломал обе ноги, Акира, чуть не плача, осторожно уложил его на узкую кровать.

— Ицуки... больно?

— Ага. Но ты пришёл, и мне уже легче.

Акира прижался губами к разбитым губам. Кровь, проступившая на губах Ицуки, была сладкой, и голова словно немела, но Акира сдержался. Сейчас нельзя было нагружать Ицуки.

В его руках скрученное тело Ицуки мягко расправилось, кости и опухоль зажили, и он превратился в высокого юношу. Когда Акира отстранился, Ицуки, сверкая чёрными глазами, улыбнулся.

— Уже не больно.

— У тебя такое было и раньше?

— голос Акиры скрипел в горле.

— Такое... ужасное... почему они так...

— Акира, ты пришёл.

— Но ведь бывало, что я не приходил...

— Акира.

Тёплая, костлявая рука коснулась его щеки.

— Почему ты плачешь?..

— Не... не плачу я.

На самом деле щёки были сухими, и он не чувствовал, что льёт слёзы. Но Ицуки, полный тревоги в своих чёрных глазах, вглядывался в него.

— Акира плачет... это грустно...

— Я сказал, не плачу.

— Не плачь, Акира...

— говоря это, Ицуки погладил его по волосам.

— Не плачь.

За окном небо раскрасилось в огненно-красные и фиолетовые тона, золотой свет ярко освещал старые обои. Как собака, прижимающаяся к хозяину, Ицуки осторожно прильнул головой. Поглаживая его в ответ по волосам, Акира смотрел на их тени, отчётливо проступающие на обоях.

Даже не произнося вслух, стоит позвать Ицуки — и печаль, и радость, наверное, становятся ему понятны...

Но это зажгло в груди Акиры мягкое тепло, похожее на маленький огонёк.

— Я больше не плачу.

Ицуки тихо прошептал:

— Я рад...

<http://bllate.org/book/18129/1741031>